

чему я отстаиваю науку заповедную и заповедность “от людей для людей” (кстати, сей мотив звучит и в Законе США)? Потому что не поймут иного и не примут, раздавят как Чечню! Вот сегодня, слышно, обсуждают вопрос ООПТ в правительстве, похоже, что речь идет о передаче заповедников в Министерство госимущества, конечно, ради приватизации и коммерциализации, торговли ими — вот наша реальность, а не Священное пространство...

Разве я не знаю, что такое “заповедная наука” с учеными советами из бухгалтеров, сборами никому не нужных коллекций и методами сплошного отстрела? Когда мы плыли по Логате, то видели волков, “пасущих” стада диких оленей, а первое, за что взялся Таймырский “заповедник” — авиаотстрел на деньги, выделенные для патрулирования (и начальник отдела заповедников из главка в этом участвовал непосредственно). Примеров таких множество, но я рассматриваю заповедную науку лишь как ФОРМУ НАИМЕНЬШЕГО ЗЛА, ибо было бы хуже, если вместо этих жуликов пришли бы нефтяники и газовики. Наука — единственная реальная защита заповедности в на-

шем обществе, недаром Кожевников и Макаров обманывали — до поры до времени! — этим большевиков, пока не пришел “невинный” Малиновский. А у наших сегодняшних (не только министра МПР Яцкевича, но и у президента Путина!) психология абсолютно малиновская (она же — мичуринско-лысенковская), кроме уплаты парижских долгов и сбора налогов для них сегодня ничего более священного нет и не предвидится. Ельцин и тот был человечнее, хоть и груб, но не рядовой советский материалист, как эти.

И все-таки развернуть на примере США саму по себе ИДЕЮ охраны дикой природы совершенно необходимо и своевременно, надо только придать ей более рациональную и приемлемую для общества форму, не ориентироваться только на некое “светлое будущее”, а попытаться внедрить как уже принятую Западом (приходится прислушиваться!) и проверенную в реальности. Хотя в наших условиях это скорее всего будет чистая профанация, ибо даже с официальными ООПТ никто не считается, а так можно ВСЕ объявить особо охраняемым и повсюду творить что вздумается.

“Не то, что думаете вы, природа”

В.Н. Грищенко

*Каневский природный заповедник,
кандидат биологических наук*

Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит.

Н.В. Гоголь.

Необходимость выработки новой природоохранной идеологии лично у меня сомнения не вызывает. Ведь несмотря на значительный прогресс в охране природы, достигнутый за последнее столетие, она по-прежнему имеет прежде всего сугубо утилитарную

мотивацию. Но для того чтобы идея стала идеологией, нужно еще немало потрудиться. Чему, собственно говоря, и посвящен этот выпуск журнала.

Проблема прежде всего в том, что у В.Е. Борейко феноменальная способность хорошие идеи доводить до абсур-

да. Причина этого одна и та же: он берет одно направление охраны природы и абсолютизирует его, отмечая все остальное. Так не в меру пылкий влюбленный, увлекшись предметом своей страсти, не замечает ни его недостатков, ни других красавиц. Но если любовь иррациональна и непредсказуема по самой своей природе, то в практической деятельности нужно руководствоваться не чувством, а разумом. Тем более, что человек, претендующий на роль не просто теоретика, а идеолога, должен быть корректным и взвешенным в своих суждениях.

Так было, например, с эстетикой (Борейко, 1998а). Я совершенно согласен, что эстетический критерий должен учитываться в выработке приоритетов в охране природы, но когда его провозглашают главным — впору хвататься за голову. Намного более важен ведь другой аспект — уязвимость вида или экосистемы. Если вид или ландшафт сказочно красивы, но им ничего не угрожает, нет никакого смысла кидаться сломя голову их спасать. Есть объекты более в этом нуждающиеся. Например, белый аист и лебедь-шипун имеют несомненную эстетическую ценность и большую популярность в народе. Но они сейчас прекрасно обходятся и без специальных мер по охране. Численность этих видов повсеместно растет. Достаточно просто не мешать им жить и помогать по мере возможности, исходя из простой человечности. А вот множество видов “неэстетичных” летучих мышей оказались в Красной книге. И уже недостаточно просто сохранять их в дикости, нужно помочь выжить. Для спасения глобально угрожаемых видов вообще нередко нужны чрезвычайные меры и специальные научные программы.

Теперь такой же абсолютизации подверглась идея охраны дикой природы. Она никак не увязана с охраной природы вообще, с интересами и мес-

том на планете человека. Главное — дикость, все остальное — по боку.

Подобные идеи не потому встречаются критику со всех сторон, что наши природоохранники такие уж ретрограды, а из-за того, что их автор нередко переходит границы здравого смысла. Проблема не в идеях, а в перегибах.

Все же, несмотря на многочисленные недостатки, работы В.Е. Борейко оказывают несомненно значительное положительное влияние на нашу охрану природы. По крайней мере, природоохранники бывшего Советского Союза сейчас запросто дискутируют о таких вещах, о которых лет десять назад просто ничего не знали или не задумывались. И даже если какие-то из высказанных в этих работах идей неприемлемы, они заставляют думать и спорить. А в спорах, как известно, и рождается истина...

Природа и дикость

Необходимость создания заповедников, wilderness areas и других охраняемых территорий, где природа могла бы жить по своим законам, возражения у специалистов не вызывает. Это одно из главных направлений охраны природы. Но тот максимализм, с которым все это преподносится, порождает, мягко говоря, неоднозначную реакцию. Дикая природа у В.Е. Борейко превращается в абстрактную философскую идею, и за лесом уже не видно деревьев. А ведь природа состоит из отдельных видов и экосистем. В.Е. Борейко утверждает, что вмешательство человека в дикую природу ухудшает ее. Однозначно оно нарушает одно — дикость, т. е. состояние природы. А вот дальше уже сложнее, потому что проблемы для одних оборачиваются благом для других. Появление озера из использованных для орошения вод в пустыне весьма благоприятно для водоплавающих птиц, но плохо для оби-

тателей барханов (хотя и для них — не всегда, появление водопоя, например, может быть существенным положительным фактором). Глобальное потепление климата создает проблемы для одних видов и экосистем, но дает возможность безудержной экспансии для других. Все это природа, в том числе и дикая. Не нужно уподобляться школьной учительнице литературы, которая разделяет доску вертикальной чертой и выписывает с одной стороны положительных героев изучаемого произведения, а с другой — отрицательных. Уже старшие школьники понимают условность и упрощенность такого черно-белого видения мира. А ведь охраной природы занимаются вполне взрослые дяди и тети.

Прежде, чем ломать копыта по поводу новой идеологии, мы должны сначала решить, что нам важнее — сама природа или ее дикость. Ведь голая и безжизненная поверхность Луны — это тоже дикая природа, поскольку там нет человека.

По моему убеждению, мы должны прежде всего стремиться к сохранению богатства и разнообразия живой и неживой природы во всех ее проявлениях. Охрана дикой природы является одним из путей для достижения этого (Грищенко, 2001). Но если сохранение “дикости” превращается в самоцель, — это уже весьма далеко от реальной охраны природы. Это скорее чистая умозрительная философия. Далеко не всегда можно совместить сохранение самой природы и ее дикости.

Ну зачем всю сложность и многообразие проблемы сводить к такой школярско-примитивной схеме: “Уничтожение дикой природы есть зло. Защита дикой природы есть добро” (Борейко, 19986)? А как быть, например, с теми случаями, когда дикая природа уничтожает самое себя? Должны ли мы умиленно все это созерцать или попытаться что-то предпринять? Предста-

вим, что наводнение или сель угрожают гибелью некоему эндемичному виду животных, обитающему в небольшой горной долине. Мы вполне можем построить дамбу и отвести угрозу, но это нарушит “дикость” этой территории и ее первозданную красоту. Можно сколько угодно спорить о том, как поступить в конкретной ситуации. Речь в данном случае о другом — жизнь неизмеримо сложнее столь примитивных формул.

Всех потрясла трагедия Аральского моря, но в истории Земли бывали катаклизмы и куда похлеще. Приведу лишь один пример, в чем-то похожий. В конце миоцена, примерно 6 млн. лет назад, из-за перемен климата Средиземное море высохло, превратившись в гигантскую соляную пустыню. На дне его накопилась двухкилометровая толща соли. Когда же волны Атлантического океана промыли Гибралтарский пролив, в соляную впадину хлынул грандиознейший водопад высотой 800 м и расходом воды в сотни Ниагар (Нессис, 2000).

За миллиарды лет существования жизни на Земле природа создала и уничтожила миллионы видов. И продолжает это успешно делать. Далеко не все виды исчезают по вине человека. Это вполне естественный процесс для дикой природы. Существует множество реликтовых форм, которые постепенно угасают. Должны мы их хоть как-то поддерживать или благословить на вымирание? Латимерия, гаттерия, яйцекладущие млекопитающие и много других обречены в эволюционном плане. Для дикой природы чем быстрее они исчезнут, тем раньше освободится место для других, более приспособленных форм. Как совместить сохранение природы в дикости и право видов на существование? Причем В.Е. Борейко (2001) ставит вопрос о правах уже не только в философском, но и в юридическом плане.

Дикая природа и биоразнообразии

Глава о биоразнообразии оставляет удручающее впечатление, поскольку постановка вопроса совершенно безграмотна. Употребляя популярные термины иностранного происхождения, полезно хоть не забывать первичное значение слов. Био-разнообразие — это разнообразие жизни. Если не жизнь мы охраняем, тогда что? К тому же то, о чем пишет В.Е. Борейко, на самом деле видовое богатство — лишь один из компонентов биоразнообразия. Биоразнообразие же включает в себя всю таксономическую вертикаль (от видов, подвидов и форм до царств) и все многообразие сообществ, экосистем, экологических отношений (см., например, Шеляг-Сосонко, Емельянов, 1997; Емельянов, 1999). Это понятие по сути охватывает всю живую природу. Дикая природа является составной частью биоразнообразия. Может ли часть быть важнее целого?

Столь же безграмотно и утверждение о том, что “виды флоры и фауны могут быть надежно защищены только в дикой природе”. Многим видам животных и растений там уже делать нечего. Найдите где-нибудь в дикой природе васильки или домового воробья. Дикая природа прекрасно освоила в свое время новые возможности, появившиеся в связи с выходом на арену жизни человека. И совершенно не заботилась о том, что стает уже не дикой, т. е. по нашим меркам как бы второсортной. Множество видов животных и растений прекрасно приспособились к жизни в измененной человеком среде. И без человека им будет гораздо хуже. Один лишь пример. С приближением зимы стаи грачей, синиц, снегирей и других птиц подтягиваются к населенным пунктам, где гораздо легче прокормиться. Немало водоплавающих птиц освоили для зимовки водоемы, не

замерзающие благодаря деятельности человека. Благоприятные условия зимовки снижают смертность птиц и повышают успешность размножения, а значит — растет их численность.

Презренный металл

Отдельно стоит остановиться на вопросе экономической оценки дикой природы. В.Е. Борейко (2000) выступает категорически против, считая это святотатством. В принципе, я с ним согласен. Однако, это, так сказать, поэзия. А проза жизни такова, что принятие решений об охране тех или иных участков природы зависит не от “правовверных” природоохранников, а от чиновников и политиков. А с ними лучше говорить на доступном для них языке. Я уверен, что из этой категории наших сограждан если не все 100%, то по крайней мере 99,9% считают разговоры о священности дикой природы, Совершенно Ином и т. д. полной ахинеей, если вообще хоть что-нибудь об этом слышали. Зато эти люди прекрасно представляют как выглядит сумма с шестью или девятью нулями. Если какой-нибудь полицейский начальник считает, что картину — шедевр мирового искусства — нужно охранять потому, что она стоит миллионы долларов, пусть так и будет. По крайней мере, это гораздо лучше, чем она останется без присмотра. Тем более, что оценивать можно по-разному. Никто ведь не говорит о цене “Моны Лизы”, речь идет о ее страховой стоимости. Можно сказать, что это всего лишь эвфемизм, но суть в том, что картину никто продавать не собирается. Высокая же оценка как раз способствует ее защите.

Да, нормальный человек не станет сейчас продавать мать, любимую, ребенка. В это предложение я не зря вставил слово “сейчас”, потому что когда-то все это было в порядке вещей. Прошли тысячелетия развития челове-

ства, чтобы такие отношения стали нормой. Сегодня они соответствуют морали всего общества. Отношение же к дикой природе как к святыне пока является только прекрасной мечтой. И не известно, когда эта идея станет материальной силой, овладев массами. А дикую природу надо охранять уже сейчас. И если карпатские пралесы будут сохранены только потому, что “в живом виде” они гораздо дороже кубометров древесины, кому от этого будет хуже? По крайней мере, они смогут дожить до того момента, когда люди станут смотреть на них другими глазами. Есть, например, данные, что экономический эффект использования лесов для рекреации в 20 раз превышает стоимость лесосырьевых ресурсов (Стойко, 2001). Это неплохой аргумент для чиновника, от которого, еще раз повторяю, и зависит прежде всего судьба леса. Кто знает, если бы варвары, разграбившие Рим, соображали, что статуи стоят гораздо дороже золота и серебра, из которых они сделаны, может мы и сейчас могли бы любоваться шедеврами древних мастеров, думая уже не о звоне монет, а о вечном.

Б. Гржимек с успехом использовал экономические аргументы при создании национальных парков в Африке. Он смог убедить людей, что гораздо выгоднее получать деньги от туристов, приезжающих посмотреть на сохранившиеся участки дикой природы, чем ее угробить. Разговоры же о праве дикой природы на существование “ради самой себя” в нищей голодной стране — это пустое сотрясение воздуха.

От того, что мы “наставляем рога” экономистам, которые в кои-то веки пошли навстречу природоохранникам, мы только создаем себе дополнительные проблемы. А состояние дикой природы сейчас таково, что для ее защиты под свои знамена нужно собирать как можно больше союзников. Думаю, что экономический подход может быть вполне принят если не в плане стратегии,

то хотя бы тактики на современном этапе.

Мотивация охраны природы

В трудах В.Е. Борейко меня поражают неустрашимые противоречия и нестыковки, на которые автор просто не обращает внимания. Он перешагивает их и идет дальше, нанизывая бесконечные гирлянды цитат.

Вряд ли кто-то захочет оспаривать следующее утверждение: *“возможно сейчас имеется последний шанс для создания эффективной системы защиты дикой природы. В будущем такая задача станет еще более трудной как физически, так и финансово. То есть, территории дикой природы, которые мы спасем в ближайшее время, станут всем, что мы спасем...”*. Но если так, то стратегия и тактика охраны дикой природы должны учитывать реалии сегодняшнего дня. Нам же преподносятся совершенно “заоблачные” мотивации, которые может быть станут действенными в отдаленном будущем, да и то с существенной корректировкой. Пока же они вызывают аллергию даже у многих специалистов-природоохранников, что уж говорить о широкой публике. Идеалы должны быть по крайней мере понятны и приемлемы для общества, иначе грош им цена — они так и останутся очередными красочными утопиями.

В.Е. Борейко считает, что “человеку должно быть стыдно за уничтожение дикой природы”. А может быть и не стыдно. Все зависит от “угла зрения”. Осушение болота ведь можно рассматривать и как уничтожение уголка дикой природы, и как спасение людей, живущих возле него. Природоохранник будет придерживаться первой позиции, тракторист, получающий зарплату за рытье канавы, — второй. И оба будут вполне в ладах со своей совестью. Дикая природа священна? Может быть. Но и жизнь человека тоже священна. А вот вполне рациональный

аргумент, что без болота высохнет вытекающая из него речка, в колодцах исчезнет вода и тем же людям будет еще хуже, поможет найти общий язык обеим сторонам.

Человек вообще научился неплохо манипулировать и совестью, и верой (подробнее об этом см. Грищенко, 2000). Это можно считать одним из приспособлений вида *Homo sapiens*, позволившим ему занять доминирующее положение на планете. Если бы люди последовательно придерживались религиозных заповедей, мир был бы совершенно иным.

Вряд ли можно считать удачным ходом и перенесение на охрану природы политической риторики — “независимое государство”, “попираемое меньшинство” и т. д. Политика никогда не делалась чистыми руками, она всегда прагматична и нередко цинична. О какой морали идет речь? Дон Кихотам в политике делать нечего. Соседство высокопарных и высокоморальных философских изречений с политическими лозунгами их не украшает. Люди и между собой никак не разберутся и не поделятся, а уж признать дикую природу “независимым государством” и по-прежнему не захотят. Рассуждения о демократических ценностях, правах человека и т. п. не так уж редко оказываются банальным лицемерием. Если все это вступает в противоречие с коренными интересами государства (а то и отдельных политических деятелей), в первую очередь учитываются именно они. Лидеры великих держав преспокойно отдали Чехословакию “на съедение” Гитлеру, лишь бы он их самих оставил в покое. Почему Соединенные Штаты вкупе с союзниками объявили войну Ираку, спасая Кувейт, но никогда не трогали Израиль? Почему американские самолеты бомбили Югославию для защиты албанцев, но те же американцы не спешат защищать курдов, басков, ирландцев? Об индейцах я вообще молчу. В ходу мораль двойных стандар-

тов. Наивно полагать, что к дикой природе отношение будет принципиально иным. Убийство человека сейчас является признанным преступлением во всем мире. Кого-нибудь из политиков, разжигавших войну, это остановило? А подобное отношение к дикой природе пока является только отдаленным идеалом.

Сообщения средств массовой информации об эпидемии ящура в Великобритании полны жутких картин — по малейшему подозрению уничтожаются тысячи и тысячи ни в чем не повинных животных. О биоэтике, праве на жизнь, священности жизни “просвещенная Европа” как-то стыдливо замолчала. Журналисты жалеют в основном бедных фермеров, понесших значительные убытки. Если какая-либо серьезная угроза будет исходить от “святилища дикой природы”, например, болезнь вроде СПИДа, его священность на этом закончится. Никто, кроме части природоохранников, не станет вспоминать о “независимом государстве” и его правах. Да и государства “обламывают”, когда от них исходит угроза окружающему миру.

Нам нужна выработка идеалов, к которым следует стремиться, но зачем все сваливать в одну кучу и смешивать их со стратегией охраны природы в нынешних условиях? Нестыковка идеала с реалиями жизни “испортила всю обедню” большевикам. Они считали, что после революции откуда-то появятся другие люди, которые будут честно и самоотверженно трудиться на общее благо, умерив свои запросы. Но люди остались прежними, и вся затея с треском провалилась. Откуда возьмутся люди, которые будут считать дикую природу священной и трепетно беречь ее, если сегодня они относятся к ней совершенно по-другому? Будем перевоспитывать? Но кардинально перевоспитать человека не удалось еще никому. Он не перестал, например, ни убивать, ни воровать, хотя с этим уже ты-

сячелетия борются едва ли не все религии мира, мощные государственные институты, система образования и воспитания и т. п.

В.Е. Борейко утверждает, что “создание атомной бомбы навсегда обеслывило науку”. Ну зачем делать такие глобальные обобщения? Г. Конвенц, В.В. Докучаев, Г.А. Кожевников, И.П. Бородин, В.И. Талиев, О. Леопольд, Б. Гржимек и другие ученые-природоохранники не имели к атомной бомбе никакого отношения. Да и принимали решение о ее применении политики, ученые как раз выступали против (было ведь знаменитое письмо президенту). Сделать нож и сунуть его под ребра — разные вещи. Некоторые выдающиеся ученые-ядерщики стали пламенными борцами за мир и разоружение. Ф. Жолио-Кюри и А.Д. Сахаров, например. И именно ученые предотвратили термоядерную мировую войну, показав политикам, чем все это может закончиться. Или может “сильные мира сего” вдруг услышали заповедь “не убий”, о существовании которой раньше не подозревали?

Да даже и создателям атомной бомбы предъявить моральные претензии не так-то просто. Шла ведь мировая война, и немцы первыми начали разработку и ядерного оружия, и ракетной техники. Бомба нужна была в качестве “контраргумента”. Если бы ракеты “Фау-1” и “Фау-2” получили ядерную “начинку”, всем было бы очень “весело”. В том числе и дикой природе.

Но дело не в этом, я не собираюсь никого оправдывать. Для меня в таком аргументе более интересно другое. Ведь если так, то это же самое “навсегда обеслывило” и христианство. Именно христиане развязали две мировые войны в XX веке, создали атомную бомбу и испытали ее на людях. А уничтожение храмов и других святынь “конкурентов”, представляющих немалую культурную и историческую ценность,

инквизиция, религиозные войны, всплески кровавой резни на почве фанатизма и т. д. и т. п. не “обеслывили” религию вообще? Один “Молот ведьм” чего стоит — непревзойденное практическое руководство по пыткам и “выбиванию” признаний. Написали сей “шедевр” два монаха, между прочим. Давайте уж быть последовательными в обобщениях. Ну и к чему они приведут? Но нам предлагается тщательно выискивать “зеленые” крупы во всех религиозных верованиях*, наука же к охране природы отношения вроде бы и не имеет. Могу посоветовать В.Е. Борейко пролистать собственные книги о пионерах охраны природы и подсчитать, какую долю из этих пионеров составляют ученые.

А человечество в целом не обеслывило себя алчностью, кровожадностью, эгоизмом, неразумным поведением? Можем ли мы уповать на то, что оно прозреет и изменится к лучшему?

Повторюсь еще раз: состояние охраны природы таково, что мы должны консолидировать все силы, везде искать союзников, а не плодить противников “на ровном месте”. Как бы ни относиться к науке, нельзя не признать, что ученые, научные и околонулевные организации играют ведущую роль в мировой охране природы. И если природоохранники начнут разбираться, кто важнее — жрец или мудрец, это будет только на руку их противникам.

В “природоохранном шаманизме” есть и обратная сторона медали. Священность какой-либо территории или объекта может послужить не только охранной грамотой, но и приговором. Проблема в том, что люди имеют дурную привычку специально уничтожать святыни своих противников или то, что не вписывается в догматы собственной

*Не могу не вспомнить Конфуция: “Очень трудно искать в темной комнате черную кошку. Особенно, если ее там нет”.

веры. Христианские священники уничтожали деревья-патриархи, которым по традиции продолжали поклоняться обращаемые в новую веру язычники. Обычные деревья такой неприязни не вызывали. Точно так же статуя какого-нибудь римского патриция не породила такого праведного гнева у первых христиан, как изваяния Зевса или Аполлона. Что осталось от древнегреческих храмов? Где Александрийская библиотека? Совсем свежий пример — судьба статуй Будды в Афганистане. Покопавшись в учебнике истории, таких примеров можно найти сколько угодно. Вряд ли есть основания считать, что человечество станет более единым в обозримом будущем. И может ли кто-либо поручиться, что участок пралеса или целинной степи, которые мы объявим священными сегодня, не будут через какое-то время уничтожены как “идейно чуждые”, “обиталище бесов” или что-то в этом роде?

Дикая природа как миф

Мифопоэтизация дикой природы может помочь ее охране. Если кому-то легче жить с мифом — что ж, пусть будет так. Однако, в этом важно не переходить границы здравого смысла. Миф не должен заменять саму природу. Иначе тогда столь же мифичной будет и ее охрана. Кроме того, не все так безобидно и безоблачно. Жители бывшего Советского Союза совсем недавно пережили крах одного мифа, вполне возведенного, кстати, в ранг “священной традиции” и “откровения”. И далеко не для всех это прошло безболезненно. Миф страшен крушением. А его не избежать при столкновении с реальностью. Стоит ли уподобляться юной вертихвостке, выскочившей замуж после пары вечеров с новым приятелем на дискотеке? Потом быстренько разбежались — оказалось, что ее избранник не только сильный и красивый, умеет хорошо танцевать и тра-

вить байки, но также хочет регулярно кушать, что нужно мыть посуду и стирать грязные носки. Поэзия мифа не выдержала испытания прозой жизни. У природы таких “грязных носков” предостаточно. И прежде, чем объясняться ей в любви, желательно познакомиться поближе. Меньше иллюзий — меньше разочарований.

Можно взглянуть на все это и с другой стороны. Если любишь человека, нужно любить его и на взлетах, и в падениях. Если любишь природу, принимай ее такой, какой она есть. Не нужно сочинять себе некий “возвышенный идеал”. Природа выше наших убогих представлений о ней. Как не вспомнить бессмертные слова Н.В. Гоголя, приведенные в эпитафии. Тем более, что реальная природа далека от той лубочной картинки, которую нам рисуют некоторые экофилософы.

“Добро” и “зло” в природе

Я не понимаю, что такое “абсолютное добро” в дикой природе, о чем пишет В.Е. Борейко (1998б). Добро и зло есть два полюса жизни. Они всегда относительны, потому что о добре или зле можно говорить лишь применительно к конкретному объекту. Лисица поймала зайца. Для самого зайца это зло, но для лисицы и ее детенышей — несомненное добро. Они погибнут от голода без этого. Подобных примеров можно привести тьму. Разделять добро и зло в природе можно с не большим успехом, чем разламывать магнитную стрелку компаса в надежде получить “абсолютно южный” ее конец. Не бывает южного магнитного полюса без северного. Если есть отрицательный электрический заряд, где-то имеется и равный ему по величине положительный. Это фундаментальные законы природы. Подобно этому в природе существует равновесие добра и зла. В конце концов, для того, чтобы что-то кому-то дать (добро), нужно его у кого-

то отнять. И материя, и энергия, как известно, не возникают из ничего. Об изначальности “добра” и “зла”, как одной из форм поляризации мира, пишет и С. Мухачев (1997).

“Абсолютное зло” в религиозном понимании этих слов является таковым лишь в системе координат человека. То есть, мы приходим все к тому же антропоцентризму, от которого нас пытается всеми силами увести В.Е. Борейко.

Но даже и в этом случае его абсолютность является условной. Это всего лишь символ, жупел, необходимый для удержания паствы в повиновении. Можно привести немало примеров того, как добро ведет ко злу, и наоборот. Если ребенку с детства позволять делать все, что ему вздумается, высока вероятность того, что он вырастет подонком. Наказание же за мелкие проступки (зло с точки зрения ребенка) помогает избежать более крупных. С другой стороны, вспомните “Мастера и Маргариту” М. Булгакова: носители зла делают добро, наказывая подлецов. Да и само существование полюса “абсолютного зла” (мнимого или реального — неважно) не является ли в глобальном отношении добром? Ведь, чего лукавить, значительная часть религиозных людей старается не грешить и делать добрые дела, чтобы не попасть в ад. Как все сложно и запутано уже внутри человеческого общества!

В.Е. Борейко же ставит во главу угла дикую природу. Для нее жизнь отдельной особи да и вида в целом — вообще ничто. Это всего лишь капля в море, от испарения которой оно не обмелеет. Что тут можно назвать “абсолютным добром”? Может быть, жестокую борьбу за существование, в которой из сотен, тысяч, а то и миллионов особей выживают единицы? Да и то лишь затем, чтобы оставить потомство и уступить место другим. Может, добром было массовое вымирание животных и растений во время природных катаклизмов? Ледник стер с лица Зем-

ли жизнь на огромных пространствах. Трагедия это лишь с точки зрения человека. Природа же стоит выше наших понятий о добре и зле. Для Вечности это лишь эпизоды, болезни роста, как для ребенка потеря молочных зубов. Вырастут новые. Исчезли динозавры — на смену им пришли млекопитающие и птицы. Нет лесов из папоротников, хвощей и плаунов — на их месте буяют дебри из хвойных и лиственных деревьев. Каждый новый вид возникает “на костях” своих предшественников.

Или, может быть, “абсолютным добром” являются отношения внутри одного вида? В животном царстве можно найти немало примеров взаимопомощи, трогательной заботы друг о друге, верности и даже альтруизма. Но хватает и другого. Приходилось ли теоретикам “абсолютного добра” слышать, например, такие термины как “каинизм” и “кронизм”? Слово “каинизм” говорит само за себя. Суть этого явления в том, что у птенцов многих видов птиц в определенном возрасте проявляется неудержимая агрессия по отношению к сверстникам. Старший и более сильный птенец может убить и даже съесть того, что поменьше. При чем этот “кошмар”, с точки зрения человека, не является редким исключением. Например, у малого подорлика в Восточной Словакии от каинизма погибает 38% птенцов. У беркута выживает не более 30-50% птенцов, выплывшихся вторыми (Meuburg, 1981). Только у крупных хищных птиц каинизм отмечен для 27 видов (Meuburg, 1978). Родители никак не препятствуют такому выражению “братских чувств”.

Слово “кронизм” также многообещающе. Если читатель знаком с греческой мифологией, он должен знать, что бог Кронос проглатывал своих детей. Именно так назвал Э. Шюц (Schüz, 1957) описанное им на примере белого аиста явление, когда родители про-

глатывают маленьких птенцов. Еще больше их не съедается, а просто выбрасывается из гнезда. Причем все попытки вернуть выброшенного аистенка в гнездо заканчиваются безрезультатно. Среди причин гибели птенцов у белого аиста выбрасывание родителями стоит на первом месте. В Украине на это приходится 41,9% случаев с известной причиной гибели (Грищенко, Габер, 1990), в Польше — 38,6% (Jakubiec, 1991), в Восточной Германии — 55,2% (Zöllick, 1986). Цифры, как видим, достаточно близки. Это не случайность, а закономерность, причем явление распространено повсеместно. Важно отметить, что ни каинизм, ни кронизм не связаны с непосредственной угрозой голодной смерти. Это регуляция численности потомства, но срабатывает она гораздо раньше наступления критической ситуации. Какой “спусковой механизм” этой реакции, пока до конца не ясно, но с уверенностью можно сказать одно — как и всякое инстинктивное действие она проявляется не всегда адекватно ситуации.

Ах какая это жуть с точки зрения человека: “брат на брата”, “родитель на ребенка”! Но для природы наши охи-ахи смехотворны. Она жестока, но мудра: если не может выжить весь выводок, пусть выживет хоть кто-нибудь. Если умирающая от голода волчица съест своих детенышей и благодаря этому останется жить, она сможет произвести на свет новое потомство в будущем. Если же она погибнет, неминуемая смерть ожидает и ее отпрысков. Линия жизни прервется. Такие действия — зло для отдельной особи, но большое благо для вида в целом. Опять приходим к относительности добра и зла в природе.

И. Ефремов в “Часе быка” пишет: *“Пресловутый естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение inferнальности, метод добиваться улучшения вслепую, как в игре,*

бросая кости несчетное количество раз. Но за каждым броском стоят миллионы жизней, погибающих в страдании и безысходности. Жестокий отбор формировал и направлял эволюцию по пути совершенствования организма только в одном, главном направлении — наибольшей свободы, независимости от внешней среды. Но это неизбежно требовало повышения остроты чувств — даже просто нервной деятельности — и вело за собой обязательное увеличение суммы страданий на жизненном пути...”

Ж. Блон (1975) описывает построение мигрирующего стада бизонов. В конце его бредут раненые и ослабевшие животные. *“Кое-как ковыляя то рысцой, то галопом, с поникшей головой, иногда с вырванным глазом, они старались не отбиться от стада, зная, что следующий раз будет последним. Почти всегда это старые животные, лет сорока или пятидесяти. Суровый закон отвел им место позади стада, да и сами они его выбрали, примирившись со своей судьбой. Среди них несколько бизонов помоложе, изнуренные болезнью или случайной раной. Волки всегда нападают сзади, а стадо продолжает свой путь. Никакой жалости к старым и слабым”*. А вот картина водопоя на реке, когда изнуренное жаждой огромное стадо кидается к топкому берегу: *“Десятки тысяч бизонов летели к воде, как тяжелые паровозы на полной скорости. Животные первых рядов не успели ничего предпринять, чтобы выбраться из топи, да и не пытались это сделать, так как напиравшие сзади уже опрокинули их, прошли по ним и в свою очередь сразу завязли в грязи и тут же оказались под ногами других”*. Итогом этой “Ходынки” были тысячи втоптаных в грязь умирающих бизонов.

По такому же жестокому “закону Джунглей” не так давно жили и люди. Обычай убивать или оставлять на го-

лодную смерть стариков был широко распространен у самых разных народов на ранних ступенях развития. Хватало и всевозможных человеческих жертвоприношений. Можем вспомнить также нравы древней Спарты — убийство слабых детей. Так что не надо идеализировать ни дикую природу, ни первобытного человека, жившего в гармонии с ней. По мнению Дж. Фрэзера (1980), он вообще был в большей степени рабом, чем во все последующие исторические эпохи, поскольку вся жизнь от рождения до смерти была жестко регламентирована наследственным обычаем и религиозными предписаниями.

В этологии есть такой термин — “избыточное убийство”. Это хорошо известный синдром волка в овчарне, когда оказавшись среди изобилия жертв хищник начинает крушить все налево и направо. Вот оно первобытное зло во всей своей “звериной” сущности: лужи крови, груды искромсанной плоти, хрипы и стоны умирающих живых существ... Однако давайте опустим занавес и попытаемся трезво осмыслить эту драму жизни, абстрагировавшись от эмоций хозяина, потерявшего в одну ночь все стадо. Ведь когда подобные действия хищников приводят к гибели врагов человека, отрицательных эмоций это не вызывает, хотя финал драмы примерно тот же (см. выше). Например, ласка, пробравшись в мышиную нору, может запросто уничтожить всех ее обитателей. Кому-нибудь придет в голову преследовать ее за это как кровожадного хищника?

Волк “в здравом уме” не станет гоняться за десятком овец по всему пастбищу. Ему хватит одной. Но в овчарне животные не могут спастись, и агрессию хищника “зашкаливает”. Вот здесь мы подходим к разгадке. Такое происходит обычно в том случае, когда хищник видит перед собой избыточную и неубывающую плот-

ность жертв. В природе такой “срыв” служит одним из эффективных способов подавления всплесков численности животных. Во время инвазий грызунов, например, питающиеся ими животные убивают больше зверьков, чем могут съесть. Природа в целом от этого только выигрывает, поскольку поддерживается стабильность экосистемы.

Что такое смерть? Конкретный индивид воспринимает ее как несомненное зло. Последуем определению А. Швейцера (1973): добро — это то, “что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь и препятствует ей”. В.Е. Борейко (19986), вслед за греческой поэтессой Сафо, считает смерть злом. Это верно с точки зрения человека или любого другого биологического вида. Но природа и сама жизнь невозможны без смерти. Без нее немыслима смена поколений и элементарное развитие. Это понимал еще Сенека, римский мыслитель I в. н. э: “Жизнь дана нам под условием смерти и сама есть путь к ней” (цит. по: Щербатых, Ноздрачев, 2000). В глобальном масштабе смерть оказывается уже благом. Гибель отдельных особей, видов, таксономических групп и экосистем расчищает место для других. Благодаря этому “злу” жизнь на Земле развилась до того уровня, который мы видим сейчас. Более того, живой организм — открытая система. Он должен получать энергию и “строительный материал” извне. Далеко не все живые существа научились фотосинтезировать. Для многих из них, чтобы жить, нужно кого-нибудь съесть. Да и для растений необходимы минеральные и органические вещества в почве. А попадают они туда не в последнюю очередь благодаря разложению погибших ранее живых организмов. Сохранение и развитие жизни по А. Швейцеру есть добро. Так еще раз: смерть — это добро или зло?

В.А. Кутырев (1994) писал: “...

смерть вплетена в саму суть жизни, в ее природу. Все рожденное должно умереть, чтобы родилось новое. (...) Акт рождения и смерти — самый глубокий, самый фундаментальный и драматический фазис обновления, связанный с превращением живого в неживое и наоборот. Исключить этап смерти, значит лишить бытие основательности, полюсов пульсирования, создающих необходимое напряжение для его развития”.

Кто-то может усмотреть в сказанном выше чуть ли не апологетику зла. Да ничего подобного. Просто я воспринимаю мир таким, каким он есть. Можно ответить словами А. Блока: “Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита”. Причем слово “щит” здесь как раз к месту. Жизнь — это борьба.

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день идет за них на бой. —

Подводит итог в последние свои минуты Фауст.

Попытки втиснуть живую природу в прокрустово ложе человеческих представлений о добре и зле будут иметь не больше успеха, чем потуги муравья постичь, что же такое египетские пирамиды. Существо, живущему в двумерном пространстве, не дано познать таких вещей как высота и объем. Точно так же невозможно “объять необъятное” и понять принципы устройства и функционирования биосферы, будучи всего лишь одним из видов, в нее входящих. Но у человека, в отличие от того же муравья, есть инструмент, позволяющий оторваться от своей “плоскости”. Это — разум. Он ведет по пути познания окружающего мира. Разумом и знаниями и нужно руководствоваться в охране природы, а не эмоциями.

“Весь мир насилья мы разрушим”?

Как профессионального биолога да и просто здравомыслящего человека

меня поражает, что некоторые умные и образованные люди пишут о “перевоспитании” биосферы, о принципиальной возможности устранить “хищничество, паразитизм и иные способы существования, связанные с причинением смерти или страданий одним существом другому” (Мухачев, 1997). Увы, биосфера устроена на других принципах. Ее нельзя “перестроить”, нужно просто создать заново. Ну не может волк питаться морковкой, организм у него по-другому устроен. Можно возразить, что домашние собаки и кошки вполне способны обходиться без мясной пищи. Да, но их кормит человек. Дикие животные должны добывать себе пропитание сами, и каждому из них природой отведена вполне определенная роль в экосистеме. Одичавшие собаки и кошки тоже ведь переходят ко вполне “кровожадному” образу жизни своих предков.

С. Мухачев (1997) пишет о такой перестройке биосферы — “сотворчестве с Богом” — как о деле “пока еще далекого будущего”. Но, позвольте, зачем так скромничать? Не подобным ли “сотворчеством” человек занимался по крайней мере несколько последних тысячелетий, “перевоспитывая” природу по мере возможности — выжигая и вырубая леса, осушая болота, обводняя пустыни, уничтожая одни виды и расселяя другие? Результат, как мы сейчас можем судить, получился не ахти. Воистину правы Стругацкие: “Трудно быть богом”. Давно ли нам рассказывали, что Творец не в ту сторону повернул северные реки и надо бы эту оплошность исправить? Подобные прожекты у наших природоохранников уже давно пиетета не вызывают. Вот глобальное разрушение цепей питания — это да! Это мы еще не пробовали. Наглядный пример того, к чему приводит игнорирование экологической науки. Без нее природоохранник похож на дикаря на подводной лодке. Желает

тельно все-таки знать, на какие кнопки можно нажимать, а какие лучше не трогать.

Сейчас вся Европа “стоит на ушах” из-за набирающей обороты эпидемии губчатоподобной энцефалопатии, в просторечии — “коровьего бешенства”. А началось все с того, что коров — исконно травоядных животных — заставили есть белковые добавки из мясокостной муки. В результате вяло тлевший очаг прионных инфекций (прионная болезнь овец скрепи известна еще с XVIII века) вспыхнул с новой силой. Это напоминает попытку поставить стог сена на пригасший костер. Ничего противопоставить “коровьему бешенству” медицина пока не может. Прион — даже не вирус, а просто белок. Контагиозность его невообразима. А ведь в природе есть “противоядие” против этой заразы, иначе плотоядные животные давно бы исчезли с лица Земли. Просто коровы должны есть траву, а волки — мясо. Кто может предсказать, какие еще “подарки” ждут человека на тернистом пути “перевоспитания биосферы”?

Д. Андреев (1997) вообще предлагает не просто “перевоспитать” животных, чтобы никто никого не ел и не обижал, но и научить их уму-разуму. При этом “не поддавшиеся” хищники должны быть уничтожены. Ответ на вполне естественный вопрос, который приходит в голову даже человеку, далекому от биологии, — где разместится все это скопище живых существ и чем будет питаться — ничтоже сумняшеся переносится на наших потомков: авось придумают. Но дело не в этом. Опускаться до серьезной дискуссии на эту тему с позиций биологии и экологии я не собираюсь. Поговорим о философских вещах. Такой “биосферный коммунизм” может быть построен только путем бесконечного насилия над всей живой природой. Перевоспитывать придется не только хищников. Все это

уже было в человеческом обществе: и передовая теория, и обещания светлого будущего, и разглагольствования о демократии и гуманизме, и воспитание нового человека. А также миллионы жертв по ходу дела. И полный крах, как закономерный финал. Большевики ведь тоже были уверены, что вооружены единственно верным учением, взялись кардинально перестраивать мир, вопреки “негуманным” законам “дикой” экономики, перевоспитывали сомневающихся (не в последнюю очередь при помощи концлагерей) и уничтожали хищников-эксплуататоров. Все один к одному, только вместо кулаков и дворян к стенке предполагается ставить волков и медведей.

Интересно, что единственный способ ограничения прироста населения “осчастливленных” животных, который пришел в голову Д. Андрееву, тоже чисто командно-административный, вполне в духе китайского социализма, — квотирование на размножение отдельных видов. Да, до такого варианта “царства всеобщего благоденствия” не додумались даже авторы знаменитых антиутопий XX века.

Давайте немного пофантазируем. Возможно, в будущем успехи генной инженерии и других наук позволят конструировать виды с любыми желаемыми свойствами. Они смогут полностью вытеснить и заменить собой дикие формы. Представим идеальный вариант, что не будет выхода ситуации из-под контроля (вспомните, хотя бы, “Парк юрского периода”), не “убегут” из лабораторий новые сметающие все на своем пути инфекции и т. д. Допустим, удастся изменить и экологические отношения. То, что в результате получится, — уже будет другая биосфера. Совершенно искусственная, населенная фактически биороботами. Парк — не лес, как бы он нас не улаждал. Тем более, если в нем растут искусственные деревья. То есть, человек, отпихнув

Создателя, попытается его заменить собой. Я глубоко сомневаюсь, что у него из этого что-нибудь получится (мы уже имели возможность убедиться, что разрушить старый мир “до основанья” можно, но вот с “затем” начинаются проблемы), но для нас более важен другой аспект: сохранение дикой природы — это еще и уважение ее Творца. И совершенно не важно, что в данном случае подразумевать под этим словом — личного Бога, космический Разум или эволюционный процесс.

“Всякое творение Божие хорошо”

Некоторым чересчур ревностным святошам может быть хотелось бы, чтобы у человека не было “греховных” органов и он размножался почкованием, чтобы были одни высокие порывы и не было такой “мерзости”, как мочеиспускание, дефекация и т. п. Увы, все функционирует так, как функционирует. Если вы признаете Творца, принимайте и творение таким, каким оно есть. Не нужно его переделывать, хотя бы и в своем воображении. Если кто-то хочет поиграться в бога — уже есть соответствующие компьютерные игры. Вы можете создать свою вселенную, и она будет функционировать по заданным вами законам. Можете, кстати, поэкспериментировать, можно ли сделать так, чтобы никто никого не ел, чтобы не было страданий, смерти и т. п.

Я — за дикость природы и в глобальном масштабе. За дикость, как естественный ход событий. За то, чтобы никакие “мудрецы” не перекраивали природу по своим меркам.

Литература

- Андреев Д. (1997): Отношение к царству живому. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара “Трибуна-6”. Киев. 140-156.
- Блон Ж. (1975): Великие кочевья. М.: Мысль. 1-158.
- Борейко В.Е. (1998а): Введение в природоохранную эстетику. Киев. 1-91.
- Борейко В.Е. (1998б): Святилища дикой природы. Наброски к идеологии заповедного дела. Киев. 1-107.
- Борейко В.Е. (2000): Биоразнообразие не имеет цены. Ибо оно бесценно. - Гуман. экол. ж. 2 (2): 5-11.
- Борейко В.Е. (2001): Зачем нужны права дикой природе. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 67-69.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 42-56.
- Грищенко В.Н., Габер Н.А. (1990): Соотношение причин гибели взрослых белых аистов и их птенцов на Украине. - Аисты: распр., экология, охрана. Минск: Навука і тэхніка. 90-93.
- Емельянов И.Г. (1999): Разнообразие и его роль в функциональной устойчивости и эволюции экосистем. Киев. 1-168.
- Кутырев В.А. (1994): Естественная и искусственная борьба миров. Н. Новгород: Изд-во “Н. Новгород”. 1-200.
- Мухачев С. (1997): Уравнение глобальной этики как исток безнравственности. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара “Трибуна-6”. Киев. 174-181.
- Несис К.Н. (2000): Когда Средиземное море высохло и что за этим последовало. - Природа. 4: 3-5.
- Стойко С. (2001): Паводки в Закарпатье и судьба горных лесов. - Зеркало недели. 7.04. 14: 12.
- Фрэйзер Дж. Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
- Швейцер А. (1973): Культура и этика. М.: Прогресс. 1-342.
- Шеляг-Сосонко Ю.Р., Емельянов И.Г. (1997): Экологические аспекты концепции биоразнообразия. - Экология та ноосферология. 3 (1-2): 131-140.
- Щербатых Ю.В., Ноздрачев А.Д. (2000): Физиология и психология страха. - Природа. 5: 61-67.
- Jakubiec Z. (1991): Causes of breeding losses and adult mortality in White Stork *Ciconia ciconia* (L.) in Poland. - Population of White Stork *Ciconia ciconia* (L.) in Poland. Part II. Some aspects of the biology and ecology of White Stork. Kraków. 107-124.
- Meyburg B.-U. (1978): Productivity manipulation in wild eagles. - Birds of Prey Management Techniques. Oxford: Brit. Falconers' Club. 81-93.
- Meyburg B.-U. (1981): Notwendigkeit und Möglichkeit des Populationsmanagements bei Greifvögeln. - Ökol. Vögel. 3 (Sonderheft): 317-334.
- Schüz E. (1957): Das Verschlingen eigener Junger (“Kronismus”) bei Vögeln und seine Bedeutung. - Vogelwarte. 19 (1): 1-15.
- Zöllck H. (1986): Ergebnisse der vierten internationalen Bestandserfassung vom Weißstorch im Bezirk Rostock 1984. - Falke. 33 (3): 82-83.